

DOI: 10.18572/1813-1190-2025-9-23-28

Поступила в редакцию: 01.08.2025. Принята к публикации: 10.09.2025.

Средства доказывания в «дореформенном» уголовном процессе Российской империи: уроки истории

Росинский Сергей Борисович,

главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии
Института государства и права Российской академии наук,
доктор юридических наук, профессор
s.rossinskiy@gmail.com

Цель статьи — обобщение результатов очередного этапа научных изысканий автора, направленных на выявление историко-правовых факторов, во многом предопределивших современное состояние и направления дальнейшего развития уголовной юстиции Российской Федерации.

Методология: содержание и результаты проведенных изысканий предопределены диалектическим подходом к познанию реальности. В качестве общенаучных использовались методы системного анализа, описания, сравнения, анализа и синтеза, тогда как в качестве специальных — историко-правовой, формально-юридической и компаративистский (метод сравнительного правоведения).

Выводы. Несмотря на архаичность, эклектичность и явное несоответствие современным представлениям о механизмах работы уголовной юстиции правового государства, предусмотренные «дореформенным» уголовно-процессуальным законодательством Российской империи положения о средствах доказывания предопределили вектор последующей интенсификации национального доказательственного права на многие годы вперед. Эти положения стали важной вехой развития доказательственного права — вполне достойной для надлежащего изучения и осмысления всеми современными исследователями, желающими внести посильную лепту в теорию уголовно-процессуального доказывания, повлиять на совершенствование процессуального закона и оптимизацию правоприменительной практики.

Научная и практическая значимость. Статья может оказаться полезной научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам (адъюнктам), студентам, а также всем интересующимся проблемами теории, нормативно-правового регулирования и практики уголовно-процессуального доказывания.

Ключевые слова: история уголовного судопроизводства, несовершеннолетние доказательства, признание обвиняемым своей вины, Свод законов Российской империи, совершенные доказательства, средства доказывания, теория формальных доказательств, улики.

Среди всего множества насущных проблем, свойственных теории, нормативно-правовому регулированию и практике уголовного судопроизводства, особо актуальными всегда считались и продолжают считаться проблемы доказывания — совокупности когнитивных приемов и аргументационно-логических операций участников процессуальных отношений, направленных на установление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснование соответствующих правоприменительных актов¹. Ведь из-за предопределенности имеющими «естественное» происхождение закономерностями восприятия и умственной генерации полезных сведений данные проблемы явно не предрасположены к быстрому разрешению. Напротив, несмотря на пристальное внимание ученых, невзирая на множество доктринальных исследований и соответствующих публикаций, практически ни один так или иначе связанный с феноменом уголовно-процессуального

доказывания вопрос нельзя признать окончательно «закрытым», а обусловленные им дальнейшие научные поиски — бессмысленными. Подходы к разрешению подавляющего большинства существующих проблем по-прежнему не предполагают какого-либо единства и лишь приводят к новым и новым раундам дискуссий и полемических обсуждений.

В частности, на сегодняшний день не существует более или менее единодушного подхода к пониманию средств доказывания. Определенная доктринальная солидарность наблюдается лишь в самом поверхностном отношении к данному феномену — средствами доказывания вполне закономерно и, увы, достаточно тавтологично признаются некие средства, подлежащие использованию для нужд доказывания. Тогда как в остальном высказываются совершенно разные, в том числе антитетичные по отношению друг к другу, точки зрения.

Замысел настоящей статьи вовсе не предполагает очередного рассмотрения указанных научных позиций, выявления их достоинств, изъянов, формулирования собственного (авторского) подхода к

¹ Подробнее см., например: Росинский С.Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 9 (166). С. 73.

средствам доказывания и т.п. — данным вопросам были посвящены многие другие публикации автора. Вместо этого хотелось бы обратить внимание на явно недостаточную освещенность в научной литературе генезиса доктринальных и нормативных представлений о средствах доказывания в российском уголовном процессе. Ведь для решения подобных задач обстоятельному историко-правовому анализу обычно подвергаются приближенные к современности этапы развития уголовной юстиции: начиная с Великой судебной реформы 1860-х годов и заканчивая постсоветскими преобразованиями уголовного судопроизводства. Тогда как более ранние исторические периоды, как правило, рассматриваются весьма фрагментарно. В частности, подобной участи обычно удостоивается имевший место в середине XIX в., т.е. предшествующий Великой судебной реформе так называемый «николаевский» период развития уголовной юстиции — его краткая характеристика зачастую сводится к набору нескольких расхожих негативных «штампов», в первую очередь «штампов» об инквизиционной форме судопроизводства, о попрании прав личности, о приоритетности теории формальных доказательств, и завершается общим выводом об абсолютной правильности затеянных «прогрессивным» императором Александром II давно назревших в этой сфере преобразований.

Согласиться с такими скептическими и несколько поверхностными оценками достаточно сложно. Ведь, невзирая на архаичность «николаевского» правового порядка, в Российской империи все же имелась более или менее «рабочая» модель уголовной юстиции, предполагавшая существование судов, прокуратуры, полиции, стряпчих², а также условий и механизмов осуществления ими государственно-властных полномочий, направленных на обеспечение возможности надлежащего применения положений уголовного закона, в первую очередь посредством постановления судебных приговоров³. В частности, существовала достаточно четкая и вполне приемлемая для использования система средств судебного, т.е. уголовно-процессуального доказывания — ей и посвящается настоящая статья.

А начать хотелось бы с напоминания об отсутствии в «николаевской» России кодифицированного законодательного акта в сфере уголовного судопроизводства. Впервые подобный «кодекс» — известный Устав уголовного судопроизводства Российской империи — был принят лишь в 1864 г. Тогда как в середине XIX в. правила расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел находили отражение в подготовленном под руководством М.М. Спе-

ранского⁴, впервые опубликованном в 1832 г. и затем претерпевшем ряд изменений Своде законов Российской империи. Последний, 15-й том Свода законов — так называемый Свод законов уголовных (далее — СЗУ) — предполагал систематизированную совокупность действующих норм «антикриминального» законодательства. Книга (часть) 1 данного тома посвящалась положениям уголовного, а книга (часть) 2 — положениям уголовно-процессуального права.

Таким образом, книга 2 СЗУ не являлась уголовно-процессуальным кодексом в привычном для современных юристов понимании. В нее были включены положения целого ряда принятых в различные исторические периоды, в разных социально-политических условиях нормативных документов, регламентировавших те или иные правила расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел: от известного Соборного уложения 1649 г. до более поздних актов, появившихся во времена правления Петра I, Екатерины II и даже Александра I⁵. Многие из данных положений возникли в результате обобщения однородных, но присущих разным эпохам приемов расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел⁶. А общая парадигма вытекающего из книги 2 СЗУ порядка уголовного судопроизводства предполагала высокую степень преемственности по отношению к немецкому инквизиционному процессу начала XIX в.⁷ В частности, одним из принципов «николаевского» уголовного процесса по-прежнему преимущественно являлся принцип формальной оценки средств доказывания.

В этой связи устанавливалась четкая дифференциация средств доказывания в зависимости от их юридической силы — предусматривались так называемые совершенные и несовершенные доказательства⁸. Совершенные доказательства изначально признавались наделенными гораздо более высоким потенциалом, тогда как несовершенным отводилась роль второстепенных аргументационных ресурсов. При этом доказательства виновности подсудимого считались совершенными, когда исключали какую-либо возможность «к показанию его невиновности», а одного такого доказательства было вполне достаточно для «признания осуждения несомненным» (читай, для вынесения обвинительного приговора). В против-

² См.: Голунский С.А. Право на справедливость / рук. проекта и отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2024. С. 125–126.

³ См.: Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М., 2001. С. 33.

⁴ См.: Чучаев А.И. Разработка уголовного законодательства в XVIII — первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // Государство и право. 2024. № 12. С. 179.

⁵ См.: Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий. Вып. 1 / под общ. ред. М.Н. Гернета. М., 1914. С. 3.

⁶ См.: Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956. С. 238.

⁷ См.: Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 736; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 34.

⁸ См.: Дегай П.И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства. СПб., 1847. С. 72.

ном случае — при допущении вероятности невиновности подвергнутого уголовному преследованию человека — доказательства его вины предписывалось считать несовершенными⁹; каждое из них могло использоваться лишь для выдвижения в отношении лица более или менее предположительного подозрения, тогда как для безусловного признания его виновным требовался достаточный для опровержения невиновности комплекс (совокупность) несовершенных доказательств¹⁰.

К слову, оценивать подобную совокупность на предмет некоего «группового совершенства» (читай, достаточности для вывода о виновности подсудимого), надлежало, исходя из результатов исследования несовершенных доказательств, уразумения их информативности (относимости) и достоверности как в отдельности, так и при сопоставлении друг с другом. Одновременно рекомендовалось увязывать силу имеющихся доказательств с тяжестью обвинения — чем более тяжким было обвинение, тем более весомыми должны были быть и доказательства. И, таким образом, в российском уголовно-процессуальном законодательстве середины XIX в. уже начинали просматриваться зачатки иного концептуального подхода к доказыванию — принципа свободы оценки доказательств.

Вместе с тем общая концепция доказательственного права все же оставалась сугубо формальной, свойственной более архаичным, инквизиционным механизмам уголовного судопроизводства. Поэтому «лучшим свидетельством всего света» считалось собственное признание подсудимого, а к условиям его совершенности относились: а) добровольность; б) «учинение» в суде и перед судьей; в) соответствие его содержания обстоятельствам произошедшего преступления («сходность с происшедшим действием»); г) несомненность и очевидность сообщенных сведений — располагая отвечающим данным условиям признанием, судья мог «не опасаться» постановления обвинительного приговора, поэтому какие-либо иные доказательства уже не требовались. Причем добиваться подобного признания рекомендовалось исключительно посредством увещаний и улик, но никак не «домогательств» — в этой связи существовала возможность изобличения человека в совершении преступления посредством других, т.е. не связанных с признанием средств доказывания. Законом также предусматривались основания юридической недопустимости и своеобразной «половинчатости» признания подсудимого, право его использования в качестве смягчающего уголовное наказание чистосердечного раскаяния и т.п.

Достаточно важными средствами доказывания считались письменные документы — их дозволялось

признавать совершенными доказательствами, если они не оспаривались лицами, против которых были представлены. В законе уделялось внимание полноте изложенных в них сведений. В частности, запрещалось считать совершенными средствами доказывания письменные акты, в которых лишь упоминались подлинно значимые для установления обстоятельств случившегося документы, по крайней мере, до момента получения самих документов. Кроме того, предусматривался механизм признания совершенности документа в случае отрицания подсудимым факта его подписания. Таковым являлось сличение подписи в документе с реальной подписью человека, проводимое несколькими компетентными «экспертами». Причем совершенность документа обуславливалась лишь единогласным мнением о тождестве подписей. В иных случаях, в том числе при расхождении позиций «экспертов», документ надлежало признать несовершенным.

Кстати, законом предусматривалось и еще одно «экспертное» средство признания совершенности доказательств — свидетельство сведущих медицинских чиновников в отношении имеющего значение для дела «медицинского» объекта, например, трупа и т.п. Такое освидетельствование надлежало проводить на законных основаниях, а его выводы должны были быть ясными, «положительными», не противоречащими иным установленным обстоятельствам дела.

Существовали и более простые, «неэкспертные» виды процессуальных свидетельств. В первую очередь, таковым признавалось свидетельство двух посторонних лиц — «согласных в своих показаниях достоверных свидетелей». Его признание совершенным средством доказывания предопределялось неспособностью подсудимого отвести данных свидетелей, а также опровергнуть сообщенные ими сведения. А в некоторых случаях даже дозволялось ограничиваться свидетельством не двух, а всего лишь одного постороннего лица: при наличии других неоспоримых доказательств, при желании отца или матери дать показания в отношении своего ребенка и др. Кроме того, предусматривались различные варианты формального разрешения противоречий в подобных свидетельствах, в частности предполагающие приоритетность показаний мужчины перед показаниями женщины, показаний знатного человека перед показаниями простолюдина, показаний «ученого» человека перед показаниями «неученого», показаний священнослужителя перед показаниями светского. Тогда как свидетельства, в том числе сделанные в письменной форме, данные без присяги либо основанные на слухе, вообще не могли признаваться допустимыми средствами доказывания.

Схожее значение имели результаты личных осмотров будущих обвиняемых, проводимых прямо в

⁹ См.: Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1941. С. 41.

¹⁰ См.: Жиряев А.С. Теория улик. Дерпт, 1855. С. 112.

местах задержаний и позволявших выявлять признаки преступлений. В случае отсутствия оснований для опровержения такие результаты приравнивались к свидетельствам посторонних лиц и, следовательно, подлежали использованию в качестве совершенных средств доказывания.

Кроме того, предусматривались и более «второсортные», никоим образом не предрасположенные к признанию совершенными средства доказывания. Одним из них являлся оговор подсудимым посторонних лиц. Причем его использование в качестве более или менее сильного средства доказывания было напрямую связано с возможностью подтверждения справедливости соответствующих сведений на очной ставке с оговоренным. В противном случае — ввиду смерти подсудимого или его направления в ссылку до отыскания оговоренного — сила подобного доноса снижалась. Кроме того, в случае постоянного изменения или дальнейшего отрицания первоначально сообщенных подсудимым «оговорных» сведений, равно как и в случае раскаяния умирающего подсудимого в напрасности сообщения этих сведений, в осуществлении данного поступка в силу принуждения или подстрекания со стороны «третьих лиц» оговор надлежало признавать недействительным.

Другим «второстепенным» средством доказывания признавались результаты повального обыска, предполагающего совокупность опросов всех жителей какой-либо местности (околотка) — «соседей» подвергаемого уголовному преследованию человека — об обстоятельствах его жизни и поведения. Подобные сведения признанию совершенными доказательствами не подлежали — их дозволялось использовать лишь в качестве сугубо проверочных ресурсов, «подкрепляющих» другие доказательства. Одновременно говорилось о формальном перевесе большей половины «голосов» опрошенных над меньшей половиной за исключением случаев уличения «меньшинством» «большинства» в ложности показаний на очной ставке.

Кроме того, «второстепенными» средствами доказывания считались улики (в современной терминологии — косвенные доказательства) — некие сведения о предшествующих, сопутствующих, последующих либо как-то еще связанных с преступлением обстоятельствах. Как отмечал А.С. Жиряев, «уликою должно быть признано всякое обстоятельство, которое, по предполагаемой связи своей с одним из трех главных предметов уголовного исследования, содержит в себе косвенное на действительность, или свойства, указание»¹¹. К уликам предписывалось относить сведения: а) о соре либо вражде обвиняемого с «потерпевшим»; б) о материальной заинтересованности обвиняемого в преступлении («когда обвиняемому от совершения преступления последовать могла при-

быль»); в) о прежних противозаконных деяниях обвиняемого; г) о его нахождении в сообществе с другими преступниками; д) о бытовании «злых» слухов и «худой» молвы о совершении обвиняемым преступления (в этом случае специально обращалось внимание на неприменную правдоподобность таких сведений, на неприемлемость использования преднамеренно распространяемых ложных слухов — ввиду злого умысла, вражды, ненависти или мести); е) о предварительных угрозах обвиняемого совершить инкриминируемое ему преступление; ж) о самовосхвалении обвиняемого совершенным преступлением перед другими лицами; з) о лицемерии обвиняемого (в том числе с оружием) в месте и во время совершения преступления; и) о задержании обвиняемого с поличным; к) об обнаружении у обвиняемого каких-либо необычных предметов, подлежащих использованию в качестве «преступных инструментов» (например, оборудования для подделки монет, ассигнаций или печатных паспортов); л) о побеге обвиняемого; м) о его внесудебном признании в совершении преступления. Уликой также надлежало считать обвинительное показание всего лишь одного свидетеля.

Одновременно ввиду формально установленного несовершенства подобных средств доказывания предусматривались основания для усиления их юридической значимости («увеличения их силы»): их непротиворечивость, способствующая формированию стороной логической цепочки («когда многие признаки соединяются вместе»), а также невозможность должного опровержения подсудимым данных сведений. Тогда как более высокая убедительность высказанных подсудимым опровержений, напротив, считалась основанием для «уменьшения силы» обвинительных улик.

И, наконец, еще одним «второстепенным» средством доказывания признавалась очистительная присяга — клятвенное заверение подсудимого в своей невиновности, способствующее его освобождению от уголовной ответственности. Правда прибегать к помощи такой клятвы дозволялось лишь в случаях невозможности изобличения или оправдания лица путем использования других совершенных или несовершенных доказательств. И вообще рекомендовалось относиться к приведению подсудимого к очистительной присяге с большой осторожностью, не добиваясь от него подобных заверений посредством принуждения. При этом решившийся поклясться в своей невиновности человек от подозрений освобождался, как бы «очищался», тогда как при отказе от присяги его надлежало оставить под подозрением. А в случае усмотрения нецелесообразности приведения лица к очистительной присяге ввиду недоверия к его искренности суду предписывалось более не предпринимать по делу никаких шагов — «предавать дело воле божьей, пока оно само собой не объяснится».

¹¹ См.: Жиряев А.С. Указ. соч. С. 34.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно смело завить следующее. Сегодня, спустя почти двести лет со времен бытования положений «николаевского» уголовно-процессуального законодательства, предусмотренные СЗУ и активно использовавшиеся в правоприменительной практике средства доказывания действительно видятся весьма архаичными, явно не соответствующими нынешним представлениям о механизмах работы уголовной юстиции правового государства. Более того, совокупность данных средств вообще являлась весьма эклектичной, дискретной, включающей достаточно разнородные, не предрасположенные должной систематизации полезные, а иногда и достаточно бесполезные познавательные активы и способы их накопления.

Вместе с тем именно эти архаичные положения закона предопределили вектор последующей интенсификации национального доказательственного права на

многие годы вперед. Именно на основе присущих «николаевскому» уголовному процессу инквизиционных подходов к средствам доказывания были сформированы «доказательственные» нормы Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., а затем — и соответствующие положения советского уголовно-процессуального законодательства. Более того, «следы» этих подходов можно обнаружить и в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ. В любом случае, предусмотренные книгой 2 СЗУ положения стали важной вехой развития доказательственного права — вполне достойной для надлежащего изучения и осмысления всеми современными исследователями, желающими внести посильную лепту в теорию уголовно-процессуального доказывания, повлиять на совершенствование процессуального закона и оптимизацию правоприменительной практики.

Литература

1. Баршев Я.И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. Москва : ЛексЭст, 2001. 240 с.
2. Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. Москва : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 220 с.
3. Голунский С.А. Право на справедливость / С.А. Голунский ; руководитель проекта и ответственный редактор А.Н. Савенков. Москва : ИГП РАН, 2024. 608 с.
4. Дегай П.И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства / П.И. Дегай. Санкт-Петербург : тип. Министерства государственного имущества, 1847. 326 с.
5. Жиряев А.С. Теория улик / А.С. Жиряев. Дерпт : тип. Г. Лаакманна, 1855. 214 с.
6. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса / Н.Н. Полянский. Москва : Издательство Московского университета, 1956. 271 с.
7. Россинский С.Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве / С.Б. Россинский // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 9 (166). С. 63–76.
8. Устав уголовного судопроизводства: систематический комментарий. Вып. 1 / под общей редакцией М.Н. Гернета. Москва : М.М. Зив, 1914. 306 с.
9. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 томах. Т. 1 / И.Я. Фойницкий. Санкт-Петербург : Альфа, 1996. 552 с.
10. Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. Санкт-Петербург : Равена, Альфа, 1995. 846 с.
11. Чучаев А.И. Разработка уголовного законодательства в XVIII — первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права / А.И. Чучаев // Государство и право. 2024. № 12. С. 172–185.

References

1. Barshev Ya.I. Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu [Fundamentals of Criminal Proceedings as Applied to Russian Criminal Proceedings] / Ya.I. Barshev. Moskva : LeksEst — Moscow : LexEst, 2001. 240 s.
2. Vyshinsky A.Ya. Teoriya sudebny`kh dokazatelstv v sovetskom prave [Judicial Evidence Theory in Soviet Law] / A.Ya. Vyshinsky. Moskva : Yuridicheskoe izdatelstvo NKYU SSSR — Moscow : Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1941. 220 s.
3. Golunsky S.A. Pravo na spravedlivost [The Right to Justice] / S.A. Golunsky ; rukovoditel proekta i otvetstvenny`y redaktor A.N. Savenkov. Moskva : IGP RAN — project manager and publishing editor A.N. Savenkov. Moscow : Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2024. 608 s.
4. Degay P.I. Vzglyad na sovremennoe polozhenie ugolovnogo sudoproizvodstva [A View on the Current State of Criminal Proceedings] / P.I. Degay. Sankt-Peterburg : tip. Ministerstva gosudarstvennogo imuschestva — Saint Petersburg : Printing office of the Ministry of State Property, 1847. 326 s.

5. Zhiryaev A.S. Teoriya ulik [Evidence Theory] / A.S. Zhiryaev. Derpt : tip. G. Laakmanna — Dorpat : G. Laakmann's printing office, 1855. 214 s.
6. Polyansky N.N. Voprosy` teorii sovetskogo ugovnogo protsessa [Issues of the Theory of the Soviet Criminal Procedure] / N.N. Polyansky. Moskva : Izdatelstvo Moskovskogo universiteta — Moscow : Publishing house of the Moscow University, 1956. 271 s.
7. Rossinsky S.B. Razmy`shleniya o sushnosti dokazy`vaniya v ugovnom sudoproizvodstve [Reflections on the Essence of Proving in Criminal Proceedings] / S.B. Rossinsky // Lex russica (Russkiy zakon). 2020. T. 73 — Lex Russica (Russian Law). 2020. Vol. 73. № 9 (166). S. 63–76.
8. Ustav ugovnogo sudoproizvodstva: sistemicheskiy kommentariy. Vy`p. 1 [The Statute of Criminal Procedure: A Systemic Commentary. Issue 1] / pod obschey redaktsiey M.N. Gerneta. Moskva : M.M. Ziv — under the general editorship of M.N. Gernet. Moscow : M.M. Ziv, 1914. 306 s.
9. Foynitsky I.Ya. Kurs ugovnogo sudoproizvodstva. V 2 tomakh. T. 1 [A Course of Criminal Proceedings. In 2 volumes. Vol. 1] / I.Ya. Foynitsky. Sankt-Peterburg : Alfa — Saint Petersburg : Alpha, 1996. 552 s.
10. Cheltsov-Bebutov M.A. Kurs sovetskogo ugovno-protsessualnogo prava. Ocherki po istorii suda i ugovnogo protsessa v rabovladelcheskikh, feodalny`kh i burzhuazny`kh gosudarstvakh [A Course of Soviet Criminal Procedure Law. Sketches of History of Court and Criminal Procedure in Slave-Ownning, Feudal and Bourgeois States] / M.A. Cheltsov-Bebutov. Sankt-Peterburg : Ravena, Alfa — Saint Petersburg : Ravena, Alpha, 1995. 846 s.
11. Chuchaev A.I. Razrabotka ugovnogo zakonodatelstva v XVIII — pervoy chetverti XIX veka: borba za samoby`tnost russkogo prava [Development of Criminal Laws in the 18th — First Quarter of the 19th Century: The Struggle for the Identity of Russian Law] / A.I. Chuchaev // Gosudarstvo i pravo — State and Law. 2024. № 12. S. 172–185.

ИГ «Юрист» — ваш верный спутник в поиске нужной информации

Вы активно занимаетесь научной деятельностью, но не знаете, где еще можно найти интересный и авторитетный материал?

Мы готовы помочь вам! Предлагаем подготовить подборку статей по вашей теме, опубликованных на страницах более 40 наших журналов за последние 15 лет.

Что для этого нужно?

Пришлите запрос на адрес: anketa@lawinfo.ru, с указанием интересующей темы. Мы сделаем подборку и сканы публикаций. Готовый архив отправим вам на электронную почту.

Стоимость подборки по нашей базе составит всего 990 руб. Если из всего перечня вас заинтересует только несколько материалов, то PDF одной статьи обойдется в 300 руб.